

18+

НАШЕ
РАДИО

АЛЕКСАНДР «БАЛУ» БАЛУНОВ
КОРОЛЬ И ШУТ
БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ

Александр «Балу» Балунов
Король и Шут.
Бесконечная история
Серия «Легенды русского рока»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24356180

Король и Шут. Бесконечная история / А. Балунов: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-094010-3

Аннотация

Эта книга о веселой и удивительной истории о любви и дружбе, случившейся со всеми, кто когда-либо прикасался к доброй сказке под названием «Король и Шут».

Вторая книга Александра «Балу» Балунова, одного из основателей группы, не содержит энциклопедических данных и серьезных исследований о группе. В ней автор, наоборот, постарался рассказать множество правдивых историй про себя и своих друзей, а потом и друзей попросил сделать то же самое. Ведь за годы существования группы таких веселых историй скопилось немало и хватило на целую книгу! В книге принимали участие Андрей «Князь» Князев, Татьяна Ивановна Горшенева, Оля Горшенева, Маша Нефедова и другие.

А цветные фотографии из архивов группы гармонично дополнили эти жизненные страницы красками.

И, возможно, никакой морали в этой книге нет, но кто знает? Может быть, в этих безумно смешных и правдиво-страшных историях из жизни ты найдешь какую-то свою, которая тронет тебя до глубины души, дорогой друг, и ты сам уже продолжишь эту БЕСКОНЕЧНУЮ ИСТОРИЮ...

Содержание

Предисловие	6
1. Вступление	10
2. Свет наш, Маша	13
3. История шута	39
4. Больница, молодость, любовь	52
5. Игра «Хармс»	57
6. Зимняя феерия	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Балунув

Король и Шут.

Бесконечная история

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Балунув А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

Книга посвящается Ирише, которая по-прежнему верит в чудеса, а главное, знает, как их делать.

Эта вторая книга, написанная друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и Шут», и это важно. Важно потому, что и написана она как разговор старых друзей. А кое-где автор даже позволяет читателю поучаствовать в развитии сюжета. Также надо помнить, что это вторая книга, её хоть и можно читать как самостоятельное произведение, но всё-таки лучше сначала прочесть первую часть. Например, эта книга начинается прямо с моей встречи с Машей Нефедовой, и я подразумеваю, что читатель уже знает, кто это. Далее в этой книге множество по-настоящему захватывающих историй, и, увы, в некоторых из них персонажи ругаются. Так было, и из песни слова не выкинешь. Вот и мы ничего выкидывать не будем, а будем из этих историй, как из кирпичиков, выкладывать нашу книгу. А поскольку читатели, как и публика, у нас разноплановые, то пусть родители, читающие эту книгу своим детям на ночь (что, без сомнения, будет поучительно и полезно), некоторые главы откладывают для прочитывания на потом, когда дети повзрослеют. А главное, при чтении этой книги нужно помнить, что где-то есть тысячи таких же, как ты, дорогой читатель, которые также читают эту книгу. Так же чувствуют и так же лю-

бят музыку. И это здорово, что мы вместе!

Особое спасибо **Андрею Князеву** – за мощь таланта и верность идеалам юности, нашим идеалам; **Татьяне Ивановне Горшеневой** – за мудрость и, конечно, за сына; **Ольге Горшеневой** – за понимание, красоту и, несомненно, дочку; **Ирише Косиновской** – за открытое сердце и понимание сути вещей; **Татьяне Валентиновне Балуновой** – за волшебное сердце, любовь и вечное сияние доброты и понимания; **Вахтангу Махарадзе** – за четкую память, прекрасные рассказы и дрова; **Кате Марсовой** – за то, что, даже отсутствуя, она присутствует; **Наташеньке Чумаковой** – за волшебные, временами стихийные свойства характера; **Любе Семеновой** и **Михаилу Лапису** – за потрясающие, а главное, своевременные фотографии; **Екатерине Евсюковой** – за твердость характера и стремление к новому, удачи тебе! Огромная благодарность всем людям и существам, причастным к созданию этой книги; **Борису Фомичеву** – за советы и всяческую дружескую поддержку, без которой никак; **Диане Арбениной** – за умные советы, глупые чувства и вечное стремление к неназываемому; **Асе Гайрабековой** – за дружбу и любовь; **Ире, Игорю, Кате и Саше Меньшуткиным** – за то, что я вспоминал о них и улыбался, а также за май, когда я написал много хорошего; еще раз спасибо моей маме, потому что, если бы она меня не воспитывала, я был бы совсем другим, а это грустно; еще раз **Ирише Косиновской** – за титаническую помощь в работе

над книгой, без неё я бы и не взялся за эту книгу; **Чаче, Илье, Сиду и Князю** – за помощь в создании саундтрека к этой книге; **Игорю Юзову** – за бесконечную юность в голове, в которую я уже почти поверил, и искромётный талант, граничащий с фееричным талантом; **Наталье Рождиной** – за помощь с фотками и смекалистость; всем операторам – за съёмку и терпение, за терпение и съёмку; **Кате Огурцовой** – за организационную помощь, доброту и улыбку; **Ирине Андронати** – за стихи, видеосъёмку, сон перед камином, а главное, за то, что она не скинула меня с Падающей Башни, что на Васильевском, хотя и могла; **Андрею Лазарчуку** – за потрясающую книгу «Посмотри в глаза чудовищ», которая лежит теперь у меня на столе; **Нелли Раткевич** – за то, что, когда некоторые «были, есть, будут», она всегда есть, и, конечно, за любовь к прекрасному; **Ярославу Гашеку** – за жизнеутверждаемость без повода и за то, что он не дружил с Ф. Кафкой и Стефаном Цвейгом; **Артему Сочейкину** – за коллажи на обложках, обработку фоток, юмор и затейливость, умную ясность и свет в начале туннеля, а также за то, что не побоялся хоть одним глазком, да и заглянуть в глаза моему дракону; **Диме Быстрицкому** – за несгибаемость характера, свободу от стереотипов и за то, что катал нас по Москве; **Инне Демидовой** и **Насте Рогожниковой** – за сыновей; **Кириллу** и **Василию Балуновым** – за то, что своим существованием наполняют мою жизнь смыслом; **Мише Успенскому** – за его любовь к жизни, несмотря на фанта-

стическое образование, и за то, что он есть, несмотря ни на что; а главное, спасибо вам всем, дорогие читатели, ибо, как сказал Горшок, «без вас мы никто».

Спасибо тому, кто держит в руках эту книгу, за то, что ты такой, как есть, и пытаешься стать лучше.

P.S. Новости и добавочная информация в real time о книге будет здесь:

<http://balu.kroogi.com/other>

Книга посвящается Ирише, которая по-прежнему верит в чудеса, а главное, знает, как их делать.

1. Вступление

Перво-наперво давай выясним, кто же такой Горшок. Горшок – это теперь уже полумифический персонаж, и именно для того, чтобы разрушить эту псевдомифичность, мы с тобой тут и разговариваем, и слушаем истории. Правда, чем больше историй я рассказываю, тем более мифическим он становится...

Отрывок одного из интервью Балу

Расскажу я тебе, читатель, о кино и книгах.

Давным-давно, в каком-то восемьдесят лохматом году, пошли мы с Горшком после школы в видеосалон. Видеосалон – это такая хрень, когда в каком-либо помещении устанавливаются телевизор, видеомагнитофон и крутятся разные интересные фильмы. Ибо в «прекрасном» СССР по телевизору такого не показывали, а дома ни у кого видеомагнитофонов не было, дефицит. Интернета, кстати, тоже не было. Не буду рассказывать, какие именно фильмы мы смотрели и любили, но одним из ключевых, который мы полюбили и сразу же признали «классическим», был «Бесконечная история».

Если ты его не видел – срочно беги смотреть, а пока ты бежишь, в двух словах расскажу, в чем там дело. Если совсем уж в двух, то в этом фильме мальчик спасал страну

Фантазию. Ее уничтожало страшное Ничто. И хотя страна эта была самая настоящая, но так уж получилось, что спасти ее мог лишь этот самый мальчик, дав имя Императрице. Не буду рассказывать весь фильм, но там в конце, когда совсем уже вилы подступили, когда жуткое Ничто уже почти поглотило прекрасную страну Фантазию, Императрица говорит (*кстати, фильм, вдруг вспомнилось, был на немецком языке*): «Ну, че ты, чувак? Не видишь, что ли, – совсем край пришел?! Последний ломтик Фантазии остался, а ты тормозишь?! Блин горелый!» (*Нет, ну последние слова она не сказала, но явно подумала.*:))

И тут мальчик понял, что на самом деле все это живет и происходит в его фантазии. И пока эта прекрасная страна там живет – все хорошо. Пока он верит и думает об этой прекрасной стране, никакое Ничто не может не то что уничтожить, а даже прикоснуться к Фантазии.

Уф! Именно об этом я хотел написать свою первую книгу, именно об этом. О дружбе, о наших делах, о прекрасных мирах, созданных и до сих пор живущих в наших головах и сердцах. Обо всем прекрасном. (*Кто следил за историей возникновения моей книги, знает, что «Бесконечная история» было ее первым названием.*)

Но обстоятельства сложились так, что пришлось в книгу вставить и грустные главы. Просто для того, чтобы рассказать всю правду. Рассказать, чтобы не было больше ненужных и глупых вопросов, и закончить уже наконец все дразги

и склоки.

Сейчас ты держишь в руках мою вторую книгу. В ней мы с тобой погрузимся в мир волшебства и приключений. А главное, я надеюсь, ты понимаешь, что наша сказка под названием «Король и Шут» жива, только пока ты в нее веришь. Пока твоя фантазия участвует в процессе нашего творчества. Именно так, как в фильме, о котором я рассказал выше. Только волшебство и созидание!

Балу «Песня о любви и дружбе»

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3283855-Pesnya-o-lyubvi-i-druzhbe.html>

Сказка «Король и Шут» живет внутри меня, и я попытался как мог показать ее тебе, читатель, на страницах этой книги. А в качестве музыкального сопровождения я покажу тебе по QR-кодам свои песни, которые сопровождали меня во время написания книги и во многом вдохновляли. В большинстве из них я просто веду беседу с Горшком. Беседу довольно личную, но я надеюсь, ты разберешься. Песни о том же, о чем и книга, мой новый альбом так и называется «Песни о любви и дружбе». Ведь если задуматься, то все песни мира – это песни о любви и дружбе. По крайней мере, так это было у нас, в группе «Король и Шут».

Итак, вперед, навстречу новым приключениям!

2. Свет наш, Маша

*Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.*

Александр Сергеевич Пушкин

А не начать ли нам с тобой, друг мой читатель, книгу с чего-то просто красивого? Думаю, что да. Так что давай вспомним о нашей Машеньке. Некоторые ее могут знать как Машу Нефедову, скрипачку из группы «Король и Шут». В прошлой нашей книге она тоже участвовала, но поскольку мы с ней обсуждали в основном песни, то участие ее было немногословным, хотя и искрометным! Кстати, хорошее слово – «искрометный», очень подходит нашей Маше.

Так вот, были в истории группы различные персонажи. Был человек по имени Соплик, это, скорее, больше князевский друг, а точнее, проект. Он сначала пытался играть на гитаре, а потом стал нашим охранником. Соплик отличался там, что был совершеннейшим амбалом с бицепсом, как моя нога, но с очень маленькой головой. И поэтому он очень боялся, что кто-то может раздавить его, как клопа. Но не будем о нем в этой книге. Если тебе интересно, то спроси о нем у Князя сам. Был еще персонаж по имени Ахлебух. Хо-

тя знаешь что? О нем мы тоже сейчас не будем. Ведь мы говорим о красоте! Именно привлечение красивой девушки к сотрудничеству я до сих пор считаю одной из наших блестящих идей. Настолько блестящей, что потом все, кому не лень, начали приглашать в группу скрипачей:) Ну, ладно, хватит барражировать вокруг этой темы, полетели со мной вместе в Сан-Франциско.

Маша, виды с Twin Peaks

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291034-QR-code-2.html>

Встретились мы с ней в одном из самых странных, но безумно красивых мест Сан-Франциско – на Твин Пикс. Погода стояла шикарная и, кстати, не совсем характерная для этих мест, видимо, природа благоволила нашей встрече. Поскольку я приехал чуть раньше, то погулял вокруг, и мне в голову пришла забавная мысль.

Когда я написал уже половину этой книги, я вдруг понял, что просто веселых историй будет недостаточно, и решил сгонять в Питер к друзьям. Просто поболтать. А заодно и снимать видео для QR-кодов, которые ты видишь в книге. В основном я предавался воспоминаниям (*на камеру*) с Князем, но заехал и к Татьяне Ивановне, маме Мишки, и с Вахтангом поговорил (*с человеком, который хорошо Мишку знал и организовал всю печальную процедуру после трагических событий, а это немаловажно*). Я также проехался и неплохо снимал всякие исторические для группы места.

Балу гуляет по Падающей башне

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291036-QR-code-3.html>

Даже взял небольшое интервью у Каспера, которое, впрочем, в эту книгу не сумел вставить. Короче, заморочился. Но суть этого и следующего абзаца в другом.

Случилось мне заехать и на питерское ТВ. Попросили дать им интервью. И вот там очень красивая девушка спросила меня: «А как Вам живется там, после того как Вы уехали?» И это было очень смешно. Поскольку буквально вчера я доснимал свой клип на нашу самую первую песню и волею судеб свалился в океан и даже утопил телефон.

Клип «Я иду к тебе домой»

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291038-QR-code-4.html>

Клип «Как я утопил телефон»

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291039-QR-code-5.html>

Промок, простыл, потом плюнул на все и полетел в Питер. То есть до того момента, как я сидел в студии на питерском ТВ, прошло меньше суток. И той красивой девушке я что-то подобное и сказал. Мол, как можно куда-то «уехать», ведь как только ты захотел, то «раз» – и переместился из Калифорнии в Питер. Причем в той самой пропитанной океанской солью куртке, в которой свалился в океан. И наоборот,

так получается, что с людьми, которые живут рядом и с которыми ты можешь встретиться всегда, ты видишься реже.

Так и у нас с Машей. Когда она уже жила в Калифорнии, а я еще играл в группе, то в каждый мой приезд мы старались видеться. А когда мы начали жить в полутора часах друг от друга, тут стали возникать различные срочные дела и так далее.

Но вернемся на нашу гору. Если ты не смотришь сейчас видео, то расскажу тебе. Мы довольно высоко над городом. Справа – даунтаун Сан-Франциско с его небоскребами, слева – океан, прямо перед нами – мост Голден Гейт, а внизу лежит двухэтажная Америка. Красиво, одним словом. Да еще потрясающе высокое небо, такое, знаешь, освежающе голубое.

Маша на фестивале «Окна Открой!». Стадион им. Кирова, 23 июня 2002 года. Фото А. Федечко

Пришла Маша, и после объятий и поцелуев мы приступили к беседе. Присоединяйся к ней и ты, поскольку часть вопросов я задаю от твоего имени. Ведь я-то знаю на них ответы, а вот ты – нет, но явно хочешь узнать. Короче, поехали!

Маша. Второй рассказ

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291040-QR-code-6.html>

Балу: Привет, Маша!

Читатель: Привет!

Маша: Привет, меня зовут Маша, а это – Сан-Франциско! *(Это Маша с тобой, читатель, здороваётся. Тут поясню, дальше догадывайся сам.)*

Читатель: Маша, а занимаешься ли ты сейчас музыкой?

Маша: Да, я занимаюсь музыкой сейчас. На самом деле я очень долго не играла на скрипке, после того как ушла из группы.

Балу: Сколько?

Маша (задумалась): Лет девять, может быть даже, или восемь. А потом заскучала. И сначала я пошла играть кубинскую музыку в оркестре. А после этого волею судьбы я познакомилась с девушками, которые очень хотели играть танго, и они искали скрипачку, чтобы можно было бы создать маленький ансамбль. Теперь мы играем танго, и нам уже осе-

ную исполнится три года, по-моему. И мы регулярно выступаем. Вчера вот выступали. (*Встреча наша – 11 марта 2017 года.*) Играем в основном для танцоров на милонгах. Это такие... мероприятия.

Балу: На танцах то есть играешь?

Маша: Ну, типа на танцах. (*Смеется, дошло, видимо.*) «На танцах то есть играешь!» На танго-танцах.

Балу: А кто танцует?

Маша: Танцует кто угодно. На самом деле в Сан-Франциско очень большое танго-комьюнити, поэтому людей много самых разных совершенно.

Балу: И как? Тебя штырит?

Маша: Штырит? Да, это приятно. То есть это иначе, чем играть рок-музыку, но это тоже очень благодарное занятие, потому что люди приходят, слушают, и для них это важно. И это приятно.

Читатель: А где лучше заниматься музыкой – по эту сторону океана или по ту?

Маша: Смотря какой. Например, если человек хочет заниматься классической музыкой, или он хочет, чтобы дети ей занимались, то тут все очень сложно. Здесь нет такого понятия, как музыкальная школа, например, куда ребенок может пойти и за доступные деньги получить музыкальное образование. Здесь этого нет, здесь можно брать частные уроки. В этом смысле в России, конечно, лучше.

А если взять рок-музыку, то я думаю, что, конечно, здесь

проще. Потому что, даже если взять финансовые, жилищные условия..., все инструменты, оборудование музыкальное, тут оно людям более доступно. У меня, например, ребенок, ему девять лет. У него есть электрогитара, комбик маленький, и он в школе берет гитарные классы. То есть его в школе учат играть рок-н-рольные песни. И это в школе такая программа. Она дополнительная, конечно, но все равно, все для этого специально приспособлено. И плюс у людей еще есть площадь. То есть у них есть гаражи, где они могут поставить барабаны, поставить инструменты и спокойно для своего удовольствия играть. В России в этом смысле все, конечно, намного сложнее.

Читатель: А что у тебя ребенок играет?

Маша: Он три песни выучил. Одну – Knockin' on heaven's door, в смысле аккорды играет. Это Guns N' Roses.

Балу: Smells like teen spirit «Нирваны» играет?

Маша: Нет. Он играет The White Stripes, вот эту «джин, джин-джин-джин, джин-джииниин, джин».

Балу: Seven Nation Army.

Маша: Да. И что-то он играет еще, я не помню. Но он начал только недавно, поэтому, я так понимаю, они им много вариантов не дают. Но он уже знает целую кучу аккордов. Даже больше, чем я знаю на гитаре, так что я очень горда.

Читатель: А где вообще жить лучше?

Маша: Жить, дорогой читатель, лучше везде. Лучше всего жить и иметь возможность пожить в разных местах. Если

бы я в Америку не переехала, то не узнала бы целую кучу вещей, которую теперь знаю. Я обратила внимание, что сейчас есть тенденция, у молодежи особенно, поехать куда-то в Индию пожить, в Таиланд, в Европу. То есть люди путешествуют по миру не просто на две недели, а приезжают надолго, именно пожить. И мне кажется, что это очень обогащает человека, потому что раскрывает немножко мозги и голову (*Маша демонстрирует, как именно раскрывает.*) и показывает, как бывает по-разному. И это нас делает людьми более восприимчивыми ко всему. К разнообразию людей, мнений и вообще реальности, насколько у всех она разная. Поэтому я благодарна, что так вот получилось.

Балу: Но тебя изменила Америка?

Маша: Меня Америка очень сильно изменила. И конечно, меня изменил Сан-Франциско. Потому что Сан-Франциско – это не Америка. И вот жизнь в Сан-Франциско меня изменила очень.

Балу: В лучшую сторону или в худшую?

Маша: Мне кажется, в лучшую. Потому что в конечном итоге это все упирается в способность человеческую принимать большое количество всяких разных вещей. Способов жизни, разных культур, верований и так далее. И Сан-Франциско в этом смысле очень разнообразный город. Здесь есть люди совершенно любых цветов, совершенно любых рас, совершенно любых вероисповеданий. Абсолютно всякие разные. И из-за этого, поскольку ты с людьми разными сталки-

ваешься и отношения строишь, ты очень сильно меняешься. По крайней мере, меня это сильно изменило. И мне кажется, что это хорошо.

Балу: То есть ты довольна.

Маша: Да, и я очень благодарна. И вот дети мои, ну я же смотрю на них, они ходят в школу, где в классе целая куча разных детей. У которых разные родители, из разных даже социальных классов, да какие угодно. И мои дети, как мне кажется, от этого намного более...

Балу: А где лучше детей растить? В коллективе, где разные люди или где все одинаковые, но свои?

Маша: Мне кажется, что, где все свои, может быть, проще в каком-то смысле, но лучше, когда у человека с маленького возраста есть возможность испытывать и видеть разное. И дружить, например, с разными, разными людьми. Мне кажется, это здорово.

Маленькое отступление

А вспомни, дорогой читатель, особенно если тебе уже есть что вспоминать, ведь и тебе из школьных времен запомнились и добавили красок только РАЗНЫЕ люди. Не хорошие или плохие, а разные. А всех остальных не так чтобы не было, но не принесли они в жизни твоей детской ничего. Ничего. Такой вот прикол.

Маленькое отступление закончилось.

Маша (продолжает): А в каких-то других вещах тут легче. Да во многих вещах тут легче. У меня, например... Вот у меня же большая трагедия с ребенком случилась, с младшим сыном моим, и я не знаю, что произошло бы, если это случилось бы там (в России). Знаю, что он... инвалидом его не назвать, но, грубо говоря, он как инвалид. И я знаю, что в его случае в России жизнь его была бы очень тяжелой. Потому что в России никто не учит вот этому... принятию. Здесь, в Америке, по крайней мере в Сан-Франциско, все настроено по типу «мы будем вас принимать такими, какие вы есть». И школы, и организации разные, и вообще люди с гораздо большим пониманием относятся к таким вещам. Если, например, человек выглядит странно. Потому что у моего сына, например, глаза не открываются полностью, и он выглядит странно. И в России его совершенно заклевали бы и задолбали бы бестактными вопросами. А здесь люди тактичные и мягкие, никто не лезет к тебе, наоборот, поддерживают. Поэтому в этом плане я себе не представляю, я даже в Россию везти его сейчас не хочу, потому что я выйду с ним на улицу, а там все эти «доброжелательные» тетки и бабки, которые «а что же у вас с мальчиком такое случилось...». И если у него сейчас комплексов нет, то из России он через пять минут с комплексами уедет. Поэтому я себе не представляю, как жить в моей ситуации в России, если честно. Поэтому в этом плане лучше, наверное, здесь.

(Поскольку Маша не посчитала нужным более подробно коснуться этой темы, то и мы лезть в нее не будем, для «особо интересующихся» есть Интернет.)

Балу: Скучаешь ли ты по славе?

Маша: Слава – это весело? (делает глаза)

Маша. Глаза

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291043-QR-code-7.html>

Маша: По славе я не скучаю. И никогда эту «славу» к себе не относила. То есть я не принимала ее так, как будто она имеет какое-то отношение лично ко мне. Это был какой-то собирательный образ для поклонников, и при этом я даже не знаю, что он собой представлял, если честно. Но то, что он не имел и не имеет какого-либо отношения к реальности, – это факт. К тому же я не считаю, что там (в группе) я что-то сделала особенное для того, чтобы эту славу получить. И не могу сказать, что я ее испытывала на себе. Не то чтобы меня узнавали на улице и не давали проходу. Мне кажется, что любой человек, любая девочка со скрипкой, вставшая с Горшком на сцену, получила бы такую же «славу», как у меня. То есть дело не во мне, а просто в том факте, что я туда попала. (Задумалась.)

Балу (с иронией и как бы утешая): Не расстраивайся, любой гитарист, если бы стоял там, тоже стал бы «знаменитым», ха-ха-ха.

Горшок, Князь и Маша в Зеленом театре, 13 июня 2003 года. Фото Е. Евсюковой

Маша: Ну, в принципе, кто угодно если бы оказался там, то «прославился» бы. Поэтому я и говорю, что скучать особо не по чему. Не то чтобы я что-то заслужила...

Балу: Ну, ты не просто так стояла. Ты как красивая девочка стояла на сцене, а это ценно.

Маша: Да. Это так. Но по славе я не скучаю.

Читатель: Как повлияло на твою жизнь общение с Горшком? Изменило, может быть, как-нибудь твои взгляды на

жизнь или как еще?

Маша: Ой, ей, ей... (*вздыхает*). Наличие Горшка на планете на мою жизнь повлияло очень сильно, потому что без него не было бы группы «Король и Шут». Без группы «Король и Шут» я бы не попала в группу «Король и Шут». И я не оказалась бы там и не испытала бы всех этих наших путешествий и приключений. И даже то, что я стояла на сцене перед большим количеством людей... Все-таки не каждому встречному доводится испытать такую вещь. Поэтому все это, конечно, является для меня особенным, и в первую очередь – благодаря Горшку и тому, что он существовал. Но повлиял ли он лично на меня...

Балу: Да, он же не только, как ты говоришь, «на планете», он рядом с тобой существовал долгое время.

Маша: Он рядом со мной существовал, но мы... У нас, по большому счету, не было особых каких-то личных и близких таких пересечений. Потому что я для него, мне кажется, всегда была такая неведомая зверюшка, которая «о, откуда она здесь есть? Она здесь есть». То есть на самом деле мы были с ним в более-менее параллельных реальностях. Но я абсолютно точно всегда отдавала себе отчет и восхищалась, и продолжаю, и никогда это не пройдет, его музыкальностью, невероятной совершенно. Его мелодичностью от природы, какой-то естественной, которая у него всегда была. И тому, что за всем этим эпатажным своим каким-то поведением, он был очень, очень, очень добрым человеком. И безобидным

тоже. Это мое, по крайней мере, восприятие. Ну и, безусловно, он – гениальный и талантливый человек. И с таким человеком, когда отдаешь себе отчет в этом, рядом находиться всегда особенно. Но с точки зрения «научилась ли я у него чему-то в плане моих жизненных мировоззрений», то скажу «нет». Мы слишком разные.

Балу: То есть ты не сделала себе татуировку с флагом конфедерации на попе?

Маша (смеясь): Нет, я не сделала себе такую наколку. Ха-ха-ха. Мишкины идеи для меня были довольно далеко, если честно. Его музыкальность, его талант, его актерство – нет, а вот все, что социально-политическо-идейно... (*машет вокруг головы руками*) это... мне сложно было с этим.

Балу: А не жалеешь, что ушла из группы?

Маша: Нет, не жалею. Понимаешь, я не представляла себе такой жизни рок-н-рольной всю свою жизнь. Это что-то, что было послано мне как подарок судьбы такой. Это не то, что я хотела бы всегда. Стоять там, на сцене, со скрипкой. Оно получилось само по себе. То есть раньше (до «Короля и Шута») я играла, конечно, рок-музыку, выступала с различными группами. Если бы я не играла, то не попала бы в группу «Король и Шут». Но играть на профессиональном уровне, как получилось, с полным погружением, я никогда не мечтала. Мне это подарили, и это было прекрасно. Но поскольку это не было тем, к чему я стремилась, то и отказаться от этого было легко.

Балу: То есть не жалеешь об этом.

Маша: Нет. Вот сейчас я ездила, играла концерты (*после ухода Горшка, с бывшими музыкантами группы.* – Прим. ред.) спустя тринадцать лет. И это было удивительно и очень приятно – выйти на сцену и сыграть все эти песни. Но вместе с тем я понимала, что ребята живут такой же точно жизнью, как мы жили тогда, тринадцать лет назад. Может быть, сейчас у них несколько другие гостиницы, несколько другие условия, но в общем и целом это все то же самое. А я за это время успела... очень много чего.

Балу: Вырасти?

Маша: И вырасти. И много всего испытать совершенно другого. Абсолютно другого. Даже выучить новый язык и начать думать на нем, да очень много всего! И я не буду говорить слово «вырасти», потому что за эти годы каждый человек вырос по-разному, но это совершенно другая реальность. То есть у меня была возможность увидеть и пережить на своей собственной шкуре совершенно другую реальность, отдельную от того, что мы делали в течение шести лет тринадцать лет назад во время наших гастролей. Поэтому я не жалею и не представляю себе, как это могло быть иначе.

Читатель: Маша, а пробовала ли ты субстанции?

Маша: Тяжелые не пробовала. Страшные всякие, от которых людям плохо.

Читатель: А какие пробовала?

Маша: А надо перечислять их?

Балу: Можно вообще на этот вопрос не отвечать, если не хочешь, все наши истории не про это.

Маша: Перебирать не буду, конечно, это глупо, но и прикидываться невинной я не хочу, потому что пробовала. Но героин и спид всякий я не пробовала, потому что это неинтересно и страшно. А всякие легкие штуки психоделические пробовала. Но это было очень давно.

Балу (с серьезным видом): Это было, когда ты еще в группе играла.

Маша (удивленно и даже чуть возмущенно): Когда я в группе играла – на самом деле нет! Когда в группе играла, я помню, накурилась один раз в Таллинне, и все. Когда я играла в группе, то никаких таких штук у меня не было. Они пришли уже, когда я сюда (в Сан-Франциско) приехала, я их уже тут попробовала, в Америке.

Читатель: Тогда позволено ли мне будет спросить, пила ли ты на гастролях?

Маша: Не-а.

Читатель: Совсем?

Маша: Нет, не совсем, конечно. (*Задумалась, пытается что-нибудь припомнить.*) Могла, бывало... Под конец особенно, я помню, что могла иногда выпить. О! Текилу пила! Помню, когда мы были где-то в Крыму...

Балу: В Ялте, в Ялте...

Маша: Да, в Ялте. И там был классный-классный бар.

Балу: «Апельсин» назывался.

Маша: И бартендеры делали какие-то напитки, которые горели. И мы очень весело бухали, я помню.

Балу: Это где ты по барной стойке ползала и пила прямо с нее какие-то специально разлитые штуки.

Маша: Наверное. Ха-ха-ха. Вот тогда я там веселилась, но это скорее исключение из правил. Ты вот помнишь, что я пила? Ни фиги ведь не пила.

Балу: Нет, не пила. Так это и не я спросил, а народ. И народу же отвечу еще раз, что нет. И это был один случай из двух за шесть лет. Да и то мы его еле вспомнили.

Маша: Да.

Балу: Кстати, у меня вся книжка такая получается. Дописал до середины, думал, какие у меня веселые истории получаются, а потом перечитал, а они через одну – про пьянки, прикинь, несправедливость! Мы ведь не только этим занимались!

Маша: Вот у меня таких историй нет, поэтому и никаких историй нет, ха-ха-ха.

Балу: А уставала вообще на гастролях?

Маша: Вот не помню я, чтобы особо. Мы как бы молодые были, и я молодая была. И это была жизнь, все воспринималось как что-то естественное. То есть это моя жизнь, она такая. Из автобуса в гостиницу, потом на площадку, потом в поезд и так далее. У меня были какие-то маленькие нужды, мне вот нужно было мыться, например. И я никогда не забуду, как мы ездили в поезде долго по жаре, и я отрезала пла-

стиковую бутылку, делала из нее такую вот баночку и мылась в вагонном туалете. Потому что для меня это было важно. Но не помню, чтобы я по этому поводу мучилась, страдала и что мне из-за этого было неудобно. Мне нужно было помыться, и я находила, как это сделать. Ну и все в таком духе. Не помню никакой усталости или измотанности, и все воспоминания у меня очень легкие и веселые.

Балу: Кстати, та же фигня...

Маша: Несмотря на то что, когда я сейчас вспоминаю, как эта жизнь на самом деле протекала, то со стороны она может выглядеть довольно утомительной. Но когда я находилась внутри всего этого, не помню, что это было утомительно. И опять же молодое тело. Если бы я сейчас так ездила и спала скрюченная в этом автобусе ночь за ночью, то, наверное, воспоминания были бы другими.

Балу: А какой у тебя ряд был в автобусе?

Маша: В автобусе? Не помню. (*Задумалась.*) Точно, у нас же был у каждого свой ряд.

Балу: А кто перед тобой был?

Маша: Не помню.

Балу: А за тобой?

Маша: Не помню. Помню, что где-то ближе ко второй двери, то есть в первой части автобуса, но не в самом начале. Очень хорошо я помню наше распределение в поезде, а вот в автобусе уже нечетко...

Балу: Ты с Горшочком ездила?

Маша: В поезде, да. У нас было одно купе с Горшком и Князем.

Читатель: И как оно, ездить в одном купе со звездами?

Маша (задумалась, а потом рассмеялась): У них ужасно воняли ботинки, это был полный ад и кошмар. Но они это знали, поэтому свои ботинки первым делом прятали под князевскую нижнюю полку, чтобы купе не превратилось в газовую камеру. В этом смысле было не... любопытно.

Балу: Но ведь они там вещи не разбрасывали, не хулиганили, не пьянствовали... особо.

Маша: Они не пьянствовали у меня в купе. Они пьянствовали у тебя в купе. В моем купе был порядок. Первым делом, заходя в купе, я стелила всем постельки.

Балу: Купе.

Маша: Всем четверым. Потому что я понимала, что если этого не сделаю я, то этого никто не сделает. Горшок мог совершенно спокойно лечь на этот скрученный матрас и так и спать на нем. Его мало беспокоили такие вещи. Поэтому я стелила всем постельки, они клали свои вещи, и пока им не нужно было приходиться спать отрубаться, так их особо в купе и не видно было.

Балу: А валенки помнишь наши?

Маша: Валенки... подожди, что-то помню.

Балу: Нам Наташа Балунова сшила из американского флокса дорожные валенки, а тебе даже вышила имя на них.

Маша: Точно, это было в самом начале. Wow, Шурик, ка-

кие ты вещи помнишь! И какая у меня память поганая!

Читатель: Ну, так столько лет прошло, уж не двадцать ли?

Маша: Да нет! Память поганая, я вот с кем ни разговариваю, у всех столько воспоминаний, а я ничего не помню. Причем это у самого трезвого человека! Надо было бухать! Ха-ха-ха! (*Смеется.*)

Балу (в шутку): Было бы что вспомнить.

Маша: Да, было бы. Ха-ха-ха. Но мне было весело смотреть на всех остальных, которые веселились. Ну, в гостиницах это было от меня скрыто, но в автобусе и поезде я все это видела и удивлялась. Но вот помнить...

Читатель (меняя тему): А почему ты решила уехать из России?

Маша: Мне очень понравился Сан-Франциско, когда мы сюда на гастроли приезжали. Причем настолько, что я сразу же почувствовала себя здесь как дома. Мы же ездили и путешествовали по разным городам (в Америке) и на обоих побережьях были. И я помню, как сейчас, как мы въехали в Сан-Франциско из Лас-Вегаса. Мы ехали, ехали и въехали в туман. И я ощутила себя здесь как дома, на самом деле. Очень комфортно и уютно.

Частично из-за этого, а частично... Ну а что мне еще было делать? Почему нет? Из группы я ушла. Полная свобода.

Балу: То есть город тебя приманил и завлек?

Маша: Да, город и интерес. Опять же, меня дома, в Пи-

тере, ничего сильно не держало. Да и очень мне нравится Сан-Франциско. (*Задумалась.*) Скажем так, мне нравится Сан-Франциско и Bay area. То есть I'm not married to San Francisco. То есть у меня нет такого «я всегда хочу жить только в Сан-Франциско», но вот район залива и вот эта окрестность (*показывает рукой*) Bay area мне очень нравится. Тут очень красиво и хорошая погода! Единственное, что здесь купаться нельзя.

Читатель: И последний вопрос, если можно. Каким тебе запомнился каждый из музыкантов группы «Король и Шут»?

Горшок и Маша в ДК им. Кирова. Санкт-Петербург, 1998 год. Фото М. Лаписа

Балу: Горшок, например.

Маша (задумалась и романтически смотрит на океан):
Горшок мне запомнился очень... упрямым. Нет, неправильно. Первое, конечно, это то, что я говорила выше про его

талант и артистичность. Это первое, что я должна сказать. А так... его интенсивность. Какая-то общечеловеческая интенсивность. Например, он очень любил крайне настойчиво доносить до всех какие-то свои идеи. Как мы все тогда шутили: «Горшок на ухо подсел». То есть он любил «сесть на ухо» и втирать, втирать, втирать какие-то свои штуки.

Балу: Андрюша как запомнился?

Маша: Называла я его «Пушистик», но я не знаю, захочет ли он, чтобы кто-то об этом знал.

Балу: Мы у него спросим.

Маша: А коротко я его называла Пуш, но это, наверное, нельзя выносить в массы...

Балу (беру трубку, звоню): Уже спросил. Можно все. А почему ты его так называла?

Маша: Пушистиком я его называла потому, что у него был пух!

Балу: Да ладно! Где?

Маша: На голове. Он ставил себе прическу иголками, но на самом деле волосы у него очень-очень мягкие. Поэтому я его так и называла.

Балу: О как!

Маша: А вообще князевские моменты были совершенно прекрасными и шедевральными, когда он «включал дурку» и начинал дурачиться. Это было очень весело. Что еще мне запомнилось в начале? У нас не было никаких электронных приборов, смартфонов всяких, компьютеров и прочего, по-

этому мы много общались, читали книжки.

Балу: Маша, Интернета не было!

Маша: Да! И люди рисовали. Князь рисовал в своих тетрадках, которые у него всегда были. И там – совершенно безумные и смешные вещи. Как сейчас помню, у него был рисунок, где нарисована группа существ по степени трансформации соответственно: человек, людоед, попугаевьед, попугаевьедовьед и попугай. До сих пор помню! И вот для меня Князь был человеком, который придумал совершенно такие безбашенные и смешные вещи. *(Размахивает руками, показывая, какие именно смешные вещи придумывал Князь.)*

Балу: Кстати, о смартфонах и Интернете. Вот буквально на днях до меня доперла одна пусть и простая, но удивившая меня мысль. Вот смотри, моему старшему сыну сейчас 21 год. Так вот, он никогда не пользовался в быту пленочными технологиями.

Маша: Совсем?

Балу: Нет, ну, наверное, видел где-то, но уже как музейный экспонат. Когда он подросток, то уже цифра рулила вовсю, причем давно. То есть, когда ты говоришь слова «пленка» или «перемотай песню вперед» по привычке, то не всем ясно, что именно ты там мотаешь. Ладно, не будем отвлекаться. Каким ты помнишь меня?

Маша: Ты был шутник, Шурик. Шутни-и-и-ик. И ты всегда вносил какие-то темы. То есть, вот если Шурик решил, что он сейчас всех нас посадит на группу, бл*дь, «Внезап-

ный Сыч» – и все! Если Шурик так решил, то все ее будут слушать в автобусе, пока, с*ка, не понравится! До этого это был «Rammstein», по-моему. Ты даже магнитофон специально купил для гастролей, чтобы всем музыку слушать, а не поодиночке в плеерах.

Балу: Точно, я уж и забыл! Песню «Жаль, нет ружья!» я так же внедрил. Ее же сначала забраковали и даже разбить не хотели! Но 40 или 50 прослушиваний – и все, так назвали альбом!

Маша: Точно! И вот я помню, ты все время придумывал какие-то фишки и внедрял их, и это было круто.

Балу: А помнишь, я придумал по именам-отчествам всех называть?

Маша: Точно, было такое дело. Короче, ты был таким придумщиком, который придумывал всякие фишки, а потом старательно их внедрял.

3. История шута (короткий и внезапный рассказ о нашем первом выступлении и истории появления символа «Шут с руками»)

История – это то, что происходит с вами, здесь и сейчас.

Хроники Анкервилля

*Вот и я вам расскажу несколько историй.
Анкервиль-старший*

Балу: Расскажи, откуда и как появился рисунок «Шут с руками», ставший практически нашим символом.

Князь: Раз уж мы заговорили о нашем первом выступлении...

Балу: А мы заговорили?

Князь: Уже да!

Балу: Тогда расскажи, что ты помнишь о нашем самом первом выступлении.

Князь: Ну, мне кажется, тогда целесообразно вспомнить самое начало. В Школе ритма Игоря Голубева было первое выступление.

Балу: Не совсем так.

Князь (вспоминает): Мне вспомнилось еще одно мероприятие, которое, по всей видимости, было раньше. Выступление в клубе «Петроградец», на Петроградке, куда группа (я даже не помню, может, это даже и не «Король Шутов», а «Контора» была) пришла выступать в первый раз.

Балу: На сцене был ты, Горшок, я и Вася...

Князь: Это еще «Контора» была, и мы выступали с совершенно идиотской песней.

Балу: Спокойней, почему идиотской? Хорошая песня про Покойника...

Князь: «Покойник»?

Балу (напеваю):

Моросит осенний дождь,
Отвратительная сырость...
Ох ты, бешеная туча,
Убирайся, сделай милость.

Как ты всем осточертела,
Аж душа ползет из тела,
И приходится опять
Нам на бога уповать.

Где-то музыка играет,
Как мелодия печальна.
Уж не марш ли похоронный
Мне послышался случайно?

К сожаленью, не ошибся,
Там покойника несут,
И старуха утирает
С щек ползущую слезу...

Князь. История Шута

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291045-QR-code-8.html>

Князь: Точно, была такая песня.

Балу: Там еще третий куплет был, финал. Заканчивалось все тем, что покойнику все это надоело и «подхватил весь этот вой и унес его с собой». И все это в Am, F, E, Am и проигрыш F, G, Am или что-то типа того.

Князь: Точно помню другую песню. Если мы пели две, то, может быть, тогда и эта была.

Балу: Мы чуть ли не три играли или четыре.

Князь: А там была очень, ну скажем так, достаточно дурацкая песня, которая в конечном итоге не только не попала ни в один альбом «Короля и Шута», но ее даже нет в архивах.

Балу: Которая «та-та-та-та-тан-тан-тан»?

Князь: Да.

Я иду по улице, как всегда.

Стены зданий и машины. Красота.

Приятно, превосходно выглядят прохожие.

Их сегодня очень много, они имеют общее лицо народа.

Это ведь твоя песня была?

Балу: Ты знаешь, не совсем моя, половину стиха Горшок придумал. Тогда он еще не был Горшком, тогда нам было по 14 лет.

Князь: А стиль Горшка, он выделялся всегда.

Кооперативы там и тут
Что-то покупают, что-то продают.
Рожи ненавистные с гниющими мозгами
Шныряют там и тут. Друг друга загрызают.

Балу: Да, это он, ха-ха. А дальше ты придумал чуть-чуть.

В этой жуткой суете...

Князь: Да, я тоже внес свои пять копеек в эту тему.

В этой жуткой суете я не слышу голос свой...
Там да там, там Я обосран сатаной.

Балу: Нет, было так: «дьявол, сытый суетой»...

Князь: Это в первой версии. Была вторая версия, что хотели сделать. Мы на тот период вообще еще ничего не умели делать и вообще даже не понимали, что мы хотим.

Балу: У нас была одна идея на всех.

Князь: Да.

Балу: Этого было достаточно.

Князь: В этой песне хотелось показать, что мы панки. А как написать панковский текст, никто не знал.

Балу: Мы не были панками. Мы были просто крутанами.

Князь: Нет, уже тогда тяга появилась к панк-року...

Балу: Все равно в «Петроградец» – только технически первое выступление, фактически первый раз мы выступили в красном уголке Ленинградского рок-клуба, как раз на экзамемене Школы ритма Игоря Голубева, о которой ты начал говорить.

Князь: Просто надо было вспомнить про «Петроградец» для более точного повествования. Но тот первый концерт, конечно, в расчет брать не стоит. Потому что это мы учились в Школе ритма Игоря Голубева и непосредственно там сыграли первый концерт, то есть просто у нас была возможность выйти на сцену и сыграть на людях.

Балу: Да еще в таком месте. Тем более что, смешно вспомнить, рок-клуб еще функционировал.

Князь: Кстати, помнишь? Было очень смешно, у Горшка вот этот микрофон поехал вниз. А Горшок, как истинный начинающий профессионал, не прервался, а потянулся за микрофоном вниз, поскольку руки у него были заняты гитарой. И это очень смешно смотрелось. По крайней мере, бывшая там публика не слишком любила стиль, к которому мы хотели себя относить. На тот момент у нас и стиля-то никакого не было, но тем не менее этим он развеселил толпу, и она

сразу стала к нам расположена. И нам всем полегче стало. У меня перестала трястись нога.

Балу: Да ты что!

Князь: Я нервничал, у меня тряслась нога. Я очень боялся, что это увидят в зале. Поэтому я постоянно с ноги на ногу переступал.

Балу: Прикольно.

Князь: Ну, я еще не так хорошо играл на гитаре, соответственно у меня еще была скованность в руках. Но ладно, это не суть. Это по тем подростковым внутренним ощущениям. Это же такой стресс, запоминаются такие ситуации.

Балу: А как появился рисунок «Шут с руками», ставший впоследствии... Тебе не запомнилось, случайно?

Князь в клубе «Не Бей Копытом». Москва, 1998 год. Фото Е. Евсюковой

Князь: Сейчас вспомню и расскажу. Мы, значит, играли концерты в ТаМтАм-е, играли... Народу на нас приходило все больше и больше, и тут ты придумал самим делать афиши на наши концерты. Уж и не знаю, где ты их делал.

Балу: Да, была такая инновация. Сидел тогда я дома и думал: «Ну как же так, я же знаю, что все группы – это группы, но у нас-то реально крутая банда! Может, мы играть тогда еще не умели, и песни не так хорошо аранжированы. Но в глубине-то души мы крутые. И крутая музыка. Надо это до-

нести людям, чтобы и они тоже это поняли». И я придумал: «А давайте печатать афиши!» Тогда не было такой возможности – взять и напечатать. И я из кусочков что-то набирал, где шрифт, где фотку.

КОРОЛЬ И ШУТ

Афиша «Король и Шут» в клубе ТаМтАм, 1993 год

А ксерокса на каждом углу не было, и нужно было искать через друзей, у кого из родителей он есть на работе. Потом, через год, Поручик вернулся из очередной «бизнес-идеи», и они с Ухопланом (*это еще один наш одноклассник*) тоже немножко помогли. Потом мы сами ходили их клеить по улицам... Ну, тут уже все участники группы участвовали – и Рябчик, и Петя Васильев, да и ты с Горшком. Чего-то я раз-воспоминался, ха-ха-ха.

Князь: Прекрасно помню тот случай, когда мы поперлись с Горшком в Купчино в подземный переход клеить афиши, и нас там менты забрали. Мол, нечего тут всякую фигню расклеивать.

Балу: А, помню! Это уже была большая афиша, чуть ли не на «Юбилейный».

Князь: Да нет, мы тогда маленькие афишки клеили.

Балу: Или на «Ватрушку», что ли... Не суть, так и рисунок этот появился...

Князь: Помню, что я сам начал эти афиши разрабатывать, ну то есть оформление афиш. Причем они опубликованы. Их можно найти. Первая афиша, там написано.

Балу: Точно, ты прав. Сначала афиши были просто с названием, потом я вставил фотку, а потом появились разные рисунки. Так ты для афиш нашего «Шута...» нарисовал?

Князь: Не совсем. С Шутом была история довольно спе-

цифическая. Я вообще не помню, с какой целью его нарисовал. Совершенно точно, что я не рисовал никакого логотипа группы. Я просто взял и нарисовал этого Шута абсолютно стихийным образом. С руками. За всю историю нашего существования этих шутов было три. Один был молодой, смешной. Потом я решил его сделать круче и нарисовал его с подковкой, с усиками. И этот Шут стал более популярным. Если сейчас вы где-либо увидите афиши «Короля и Шута», на них вы найдете именно этого Шута. Но первый был на протяжении долгих лет, пока я его не перерисовал. Новый тоже сильно закрепился и стал культовым, даже переплюнул предыдущего.

Балу: Вспомнил. У меня была целая куча твоих рисунков, и я старался сделать всегда разные афиши, уж и не помню почему. Там были дед с палкой и прочее всякое... Заяц какой-то еще был... И Шут тоже был. Постепенно он как бы сам по себе прижился. А потом ни у кого и вопросов не возникло, когда мы делали первую «официальную» афишу, то есть в типографии.

Рисунок М. Горшенева

4. Больница, молодость, любовь

*Как со звездами легко и просто, как с людьми
тяжело...*

Строчка из еще не написанной песни

Балу «Подожди»

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3283848->

[Podozhdi.html](https://balu.kroogi.com/ru/content/3283848-Podozhdi.html)

Лежал я как-то в больнице, не так давно дело было, хотя и не недавно. И пришлось мне объяснять друзьям и близким, что в больницу надо носить не цветы, а домашнюю еду. И вдруг вспомнилось...

Дело было давно, совсем давно. Загремел как-то Горшок в больницу. Что-то в животе у него не заработало как надо. И вот он там лежит, а мне звонит его жена Анфиса: «Шурочка, там Миша лежит, все хорошо, операция прошла успешно, но он отказывается есть. Уже два дня ничего не ел почти, а я ничего не могу поделаться».

Ну, что делать. Поехал к нему. А надо вам сказать, что на улице стояла зима, и причем довольно холодная. Дело даже не в этом, а в том, что у меня не было зимней обуви. Точнее, были старые разбитые высокие шнурованные военные ботинки, но их мне отдал как раз Горшок. А отдал он их мне, поскольку подошва у них треснула. У обоих. «На, говорит,

Шура, может, починишь, и будет у тебя обувь на зиму, а то ты ходишь, как...» Но в мастерской надо мной просто посмеялись, и делать было нечего. Впрочем, в них можно было спокойно и с относительным комфортом дойти до метро, пока снег не набивался в трещину и не начинал таять. Не суть, одним словом, взял я ноги в руки и поехал к Горшку в больницу.

Приехал. Пропустили к нему. Причем врач на меня посмотрел, как на какого-то бомжа-оборванца, а не на стильно прикинутого панка. Впрочем, в этом сезоне и у тех, и у других линии модной одежды были очень похожи. Так что простим ему его необразованность и невзыскательность в вопросах моды. Захожу к Горшку. А он сидит такой весь бледный, в каких-то дурацких трениках и еще более дурацкой, явно солдатской, майке.

Горшок на фестивале «Нашествие», 2001 год. Фото Е. Евсюковой

– Шура, а ты пожрать ничего не принес?

А надо вам сказать, что времена у нас были голодные, и возможности достать нормальную еду у меня не было. Денег тоже не было, и все, что я мог ему принести, – это дружеское участие.

– Да нет, не принес. А что, тебя тут не кормят, что ли? – делаю я удивленное лицо.

– Да тут таким г*вном кормят! – пожаловался он на судьбу.

– Правда?

– Даже если захочешь есть – не сможешь. – добавил он с грустью.

– Ну, давай попросим и посмотрим. Может, и не такое уж г*вно?

Я сам был не то чтобы сытый и думал, что нет такого больничного г*вна, которое нельзя съесть.

– Да что просить-то, вон тарелка на тумбочке.

На тумбочке, накрытой серым полотенцем, действительно стояла тарелка с чем-то неаппетитным. Не, «неаппетитным» – фигня, с чем-то откровенно (*даже издали видно*) несъедобным. Какая-то не то каша, не то переваренные макароны, не поймешь. Найдя ложку, я не без труда отделил кусочек этой массы, понюхал с наслаждением и сказал:

– Да нет. Не куропатка с ананасом, конечно, но вполне съедобно!

Причем сказал это так честно, что Горшок даже заинтересовался, не подменил ли я тарелку. Он-то уже это блюдо видел. Посмотрел и сказал с обидой:

– Да ты что?! Не буду я есть это г*вно, оно же не просто гэ, а несъедобное гэ. Ты шутишь, что ли?!

А я не шутил.

– Вот, смотри, – говорю спокойно, как будто ребенку что-то объясняя, – ты должен его есть, потому что не зря же я к тебе сюда ехал в 40-градусный мороз в разваливающихся гадах!

И протянул ему ложку. Он взял ее недоверчиво, оглядел:

– Да это же не каша, а резина! – И смотрит на меня так жалостливо.

– Вот, – говорю, – хорошо! Вот и ешь ее, как резину, а не кашу! Представь, что это жевачка. Не новая. Ешь давай, а то сохнешь у меня тут, и все. Что я делать буду?! Ешь давай, достал уже!

И он ел. С совершенно несчастной мордочкой, но ел. Так и повелось. «Жру, – говорит, – эту гадость и представляю, что это не еда, а гадость, так значительно легче».

А потом он вышел из больницы. А потом мы сделали еще пару песен. А потом я устроился в ларек торговать фруктами, натырил там винограда, принес целый большой полиэтиленовый мешок Горшку с Анфисой, мы обожрались его, и у нас было расстройство желудка. Было очень смешно...

И я рад, что записал эту историю. Хотя это было и непросто – снова пережить ее, но теперь я могу ее спокойно отпустить и забыть.

5. Игра «Хармс»

Барнаульский гуру Б: «Любые оскорбления не должны идти от сердца, иначе они запачкают тебя. И прежде чем сказать их, примерь сначала эти слова на себя и пойми, что ты ничем не лучше. И потом с чистым сердцем и открытой душой оскорбляй, кого хочешь. А люди действительно низкие и мерзкие недостойны оскорбления. Понял?» – «Ага», – сказал Горшок. И добавил, кивнув с улыбкой: «Пошел ты на хер».

Все мы любим игры. Но не все умеем их придумывать. Мы с Горшком умели и всегда с удовольствием это делали, а когда к нашей компании присоединился Князь, то стало вообще забываемо. Ту игру, о которой я собираюсь тебе рассказать, придумал Горшок, я лишь только немного ее развил и четко обрисовал правила, чтобы не забыть.

Балу рассказывает об игре «Хармс»

<https://balu.kroogi.com/ru/content/3291046-QR-code-10.html>

Придумана она была на станции метро «Маяковская». Мы стояли с Горшком, ждали кого-то и читали книжку Хармса (*у меня как раз было карманное издание*). Одну на двоих. Иногда указывая пальцами на особенно понравившиеся места, а иногда вырывая ее друг у друга и зачитывая особо вы-

дающиеся сценки в лицах.

Итак, диспозиция. Играть в эту игру нужно в дружеской компании, вроде нашей. Требуется два-три или больше парней со своими девушками. Это принципиально важно. Нужны именно пары, поскольку игра направлена на то, чтобы парни перестали изображать то, чем они не являются, а девочки перестали ждать этого от своих парней. Поэтому, хотя непосредственно в игре принимают участие только парни, наличие девчонок необходимо. Да, забыл добавить, играть нужно в людном общественном месте. Например, на эскалаторе в метро.

Начинается игра внезапно. Кто-то один (*парень*) наклоняется к уху другого и говорит что-то смешное, не очень приличное по отношению к себе (*это принципиально!*) и в стиле Хармса. Ну, например, «Я – влагалище!» Уже смешно, не правда ли?

Следующий должен сказать то же самое, но уже чуть громче. Дальше рассказывать, или сам догадаешься? Ты прав, дружище! Третий должен сказать еще громче, и так по кругу, пока очередь снова не дойдет до первого. И он должен будет сказать это уже довольно громко. И ты думаешь, это конец? Да?! Конь на! Все только начинается. Просто громкость продолжает увеличиваться. Если честно, то у нас ни разу не было ничьих или еще каких-либо неправильных результатов. Всегда кто-то проигрывал и проставлялся (*это правило такое*), но ни разу ни я, ни Горшок. Потому что компанию для

этой игры нужно выбирать с умом.

Замечу тебе еще напоследок, что если я говорю тебе: «нужно играть», это не значит, что в такие игры тебе именно **НУЖНО** играть. Это значит, что мы в них играли. А что делать тебе, зависит от твоего воспитания и внутренней свободы.

6. Зимняя феерия

(Притяжение прекрасного с последующим его разоблачением, или Невиданная феерия на Ржевке)

И время остановилось...

Из книги «Дневник наблюдений за осенью»

Внимание! Все жизненные ситуации, описанные в этой главе, выполнены профессионалами, и не пытайтесь их повторить.

Дело было зимой. Не то чтобы зимой-зимой, с сугробами и вьюгой, а такой зимой, с солнцем и снегирями. То есть снег, конечно же, был, но как-то незаметно. Или, может, мы на него не обращали внимания в силу незамутненности сознания.

Сидели мы как-то с Горшком у меня дома и пили кислый чай. Делали мы это с утра, пока рабочий день в разгаре, и никто не может помешать двум эстетам насладиться вкусом вселенной. А насладились мы хорошо, до полной ясности. Ну, то есть достигли такого состояния, когда вопросов больше не оставалось. А нам они и не нужны были в тот момент. Поэтому мы решили подняться у меня в парадной на послед-

ний, девятый этаж и выйти на крышу. Да, летом, имея навык и кое-какое устройство, можно было выйти на крышу практически любого дома в нашем микрорайоне, и мы даже ходили туда загорать. Но в тот момент была зима. Поэтому дверь на крышу была не то замурована, не то чем-то завалена, не то мы сами не поняли, что не сезон. Одним словом, не пошли загорать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.